

Донченко А. И.
A. I. Donchenko

ПСЕВДОНАРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В МЕРОВИНГСКОЙ АГИОГРАФИИ (ЧАСТЬ I)

PSEUDONATIONAL AND SOCIAL SUBJECTS IN MEROVINGIAN HAGIOGRAPHY (PART I)

Донченко Алексей Иванович – доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104. E-mail: alexdon@mail.ru.

Mr. Alexey I. Donchenko – Dr. hab. of Culture Studies, Professor, General History, Philosophy, Culture studies department, Blagoveshchensk state pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Amur region, Blagoveshchensk, 104 Lenin str. E-mail: alexdon@mail.ru.

Аннотация. В данной статье автор выявляет особенности сюжетов и мотивов агиографической литературы эпохи Меровингов. Автор приходит к выводу о том, что литература данной эпохи носит в большей степени церковно-монастырский характер и мало связана с подлинно народным творчеством.

Summary. In this article the author reveals the plots and motives of Merovingian hagiographic literature. The author comes to the conclusion that the literature of this epoch is, to a greater extent, ecclesiastical and monastic in nature and has little to do with genuinely folk art.

Ключевые слова: эпоха Меровингов, христианство, агиография, жития святых, фольклор, сказка, литературный персонаж.

Key words: the era of the Merovingians, Christianity, hagiography, the lives of saints, folklore, fairy tale, literary character.

УДК 008(8)

Агиография как жанр христианской литературы изначально обращена к народу, она старается пропагандировать своих святых среди широких слоёв населения. Такая функция, разумеется, определяет соответствующий отбор материала и расстановку акцентов. Истории о чудесах или святых рассказывали для того, чтобы в них поверили; читали и при этом читали именно то, во что можно было поверить (см. прим. 1). Чтобы иметь возможность воздействовать на народ, нужно, в определённом смысле, идти навстречу его вкусам и запросам, нравиться ему и подавать отдельные рассказы исходя из определённой «народной» точки зрения. По большей части мы не знаем тех отдельных рассказов, которые звучали во время средневекового праздника какого-либо святого и которые являлись вариациями на тему его жития. В них проповедник частично изменял письменные оригиналы и «подгонял» их под запросы слушателей, тем более что письменные тексты отчасти уже изначально предназначались для чтения вслух на праздниках святых, и проповедники, конечно же, могли придерживаться оригинала.

Церковно-учёную литературу эпохи Меровингов лишь изредка занимал вопрос о «народе», столь же редко делались попытки дать ему определение. Особую сложность для теологов представлял вопрос о причинах неравенства людей на этом свете, поскольку было ясно, что все люди были сотворены Богом и что они, в принципе, равны, а Христос принял смерть на кресте за всех людей. Эта идея, конечно же, воспроизводила позднеантичное представление об изначальном равенстве всех людей (см. прим. 2), тем более что в Библии также говорится об этом, однако вопрос о происхождении несвободы оставался открытым. С другой стороны, между людьми всё же существуют различия, которые вскоре были признаны церковью; она заключила союз с государством и потому должна была защищать существовавшее разделение общества.

Отцы церкви пытались преодолеть это противоречие; истоки несвободы искали в первоначальном грехе (см. прим. 3), в грехе вообще, в происхождении от рода Хама (см. прим. 4) и т. п. «Официальное мнение» по этому вопросу ещё не было сформировано, и потому высказывались разные точки зрения. Мы не будем подробно вдаваться в разного рода спекуляции на эту тему, отметим лишь, что в данном вопросе продолжали бытовать две довольно древние идеи.

Одна из них, появившаяся ещё в эпоху поздней античности, отстаивала мнение о том, что все люди от природы равны, что не может быть никакого аристократизма власти, есть только аристократия мысли (см. прим. 5). Эту идею часто можно встретить в произведениях церковных авторов; она была позаимствована, например, Августином (см. прим. 6) и Амвросием, если ограничиться только этими из выдающихся учителей церкви. В V веке эта мысль проникает и в агиографию, в VI веке мы встречаем её у Леандра Севильского и Григория Великого. Однако в меровингское время теоретическое обоснование положения о всеобщем равенстве людей уже не встречается, несмотря на то, что в это же время определёнными церковными кругами неволя как социальное состояние была проклята. Аббат Смарагд высказывает мнение о том, что необходимо освободить всех заключённых и невольников (см. прим. 7). В последующие столетия число сторонников равенства всех людей постепенно возрастает и в городской литературе позднего средневековья она подчёркивается с особой силой.

Меровингская эпоха, а значит и меровингская агиография, вообще не используют эту идею. Если речь заходит о происхождении святого, то агиограф всячески подчёркивает его благородство. Святые более низкого социального происхождения, или из несвободных (см. прим. 8), хотя и встречаются, но весьма редко, и «народные» представления меровингской агиографии в этом отношении почти не прослеживаются.

Но чаще встречается косвенная защита господствующего слоя путём уподобления всего общества человеческому телу. Как в человеческом теле каждый орган выполняет свою определённую функцию, так и в человеческом обществе функции отдельных его частей не могут быть изменены без тяжёлых последствий. Метафора частей тела известна ещё со времён античности (см. прим. 9), сравнение общества с человеческим телом мы также находим и в Новом Завете (см. прим. 10), и у Отцов церкви – оно стало обычным в эпоху средних веков. В меровингское время мы встречаем его только в *Conversio Aerae* (см. прим. 11); более употребительной данная метафора становится в теоретической литературе эпохи Каролингов.

Наряду с этим раздаются голоса, которые начинают превозносить происхождение в качестве решающего критерия. Это тоже старая идея (см. прим. 12), и, по понятным причинам, она не находит особого отклика в агиографии; более отчётливо мы видим её присутствие начиная с IX века, и в последующие столетия (параллельно с топомом изначального равенства всех людей) она получает своё дальнейшее развитие. Тесно связанными с топомом о решающей роли происхождения являются также инвективы в адрес всякого рода выскочек (см. прим. 13), которые стремились приписать себе знатных предков. И хотя в меровингское время этот топомом хорошо известен (см. прим. 14), в агиографию он проникает позже. Ощутимую девальвацию отношения к «народу», простому человеку мы можем констатировать в использовании эпитетов *rusticus*, *rusticitas*. Эти понятия редко употребляются без соответствующей оценки (см. прим. 15); обычно оно, согласно античному образцу, несёт ясно выраженный уничижительный смысл, и меровингские авторы с аффектированной скромностью приносят извинения за «простонародность» (*rusticitas*) своего стиля. Параллельно с этим выказывается пренебрежение в адрес простого неучёного народа, как это хорошо видно, например, из произведений Алкуина.

Однако «народ» (*populus*) – понятие довольно расплывчатое, и часто оно использовалось церковными авторами в качестве синонима к слову «мирянин». Только начиная с X века, когда появляется учение о трёх сословиях (см. прим. 16), данное понятие получает более определённый смысл и значение, хотя даже в позднесредневековой литературе «народ» остаётся категорией весьма аморфной. В предшествующие времена, по большей части, ограничивались общими увещаниями о том, что каждый должен пребывать в том состоянии, в котором он родился (см. прим. 17) (мысль очень популярная и в последующем), а некоторые авторы даже отстаивали

идею о недопустимости предоставления слишком много свободы простому народу, впрочем, как и слишком жестокого угнетения.

Аналогично тому, как постепенно конституировался высший слой общества, столь же постепенно возник и «народ» в собственном смысле этого слова. «Народ» в агиографии этого времени редко играет какую-либо особую роль, по большей части ему отводится роль статиста. Но по сравнению с позднегреческим романом и особенно со сказаниями о мучениках, в которых в большинстве случаев «народ», будучи статистом, всё же сопереживает «героям», сочувствует им и проявляет к ним свои симпатии, в меровингской литературе даже такого рода народ-статист, за небольшим исключением, отсутствует вообще. Здесь есть только «бедняки», которые окружают святого, он же, в свою очередь, поддерживает их и даже кормит, затем они оплакивают смерть своего покровителя. В иных случаях никаких следов присутствия «народа» не прослеживается.

Но в одном отношении позиция агиографа примечательна: если в ходе повествования появляются фигуры угнетателя и угнетённого, то святой всегда становится на сторону притесняемого и гонимого. Церковь, правда, осуждала побеги невольников, но если в произведении появляется некий беглый раб, то святой *всегда* становится на его сторону и добивается его освобождения. Меровингской агиографии неизвестно ни одного примера святого, который помогал бы хозяину поймать беглого раба или слугу, равно как и святого, который оказывал бы помощь знати против простого народа.

Конечно, народный оттенок меровингской агиографии даёт о себе знать, однако он не достиг такой степени выразительности, чтобы оказать существенное влияние на «народ». Но чувства народа желают затронуть, и автор легенды пытается достичь указанной цели разными путями и средствами. Агиограф старается использовать простонародный язык, который был бы понятен и неучёным. Кроме того, сочинялись специальные истории о чудесах для слушателей, которые читались в особых случаях, прежде всего во время праздника того или иного святого.

Здесь святой изображается в облике великого чудотворца, который спешит на помощь любому верующему, в том числе и самому последнему бедняку, во всех его нуждах и бедах (см. прим. 18). Опять же напомним о том, что человек того времени сам не может «справиться» с окружающей его действительностью: в ней существует слишком много «непостижимого», чтобы обойтись без небесного защитника. Святой – чудотворец и могущественный покровитель – был близок народу, и эта близость особенно усиливалась тогда, когда он был близок пространственно, когда в округе были места, которые свидетельствовали о его деяниях, а в рядом расположенной церкви показывали его могилу или, по крайней мере, мощи.

Однако в агиографии святой, благодаря использованию псевдонародных и социальных мотивов, которые могли произвести впечатление на простых слушателей и пробудить их интерес, показан «ещё ближе к народу». Под *псевдонародными мотивами* мы понимаем рассказы, напоминающие фольклор, но при этом имеющие совершенно ненародную функцию. Ибо некоторые рассказы могут быть декларированы как «народные» и вместе с тем иметь функцию, весьма далёкую от народа.

Различение зачастую является непростым делом, и видимость может ввести в заблуждение. Более точное определение часто сталкивается с затруднениями в том смысле, что некоторые литературные типы амбивалентны и могут различным образом проявляться в отдельных литературных жанрах. Например, это относится к образу пастуха, который играет важную роль как в агиографии, так и фольклоре и позднеантичном романе. Образ доброго пастыря знаком уже античной традиции, а в Библии мы находим образ пастуха как в его обычной роли (см. прим. 19), так и в переносном смысле (см. прим. 20). Вполне последовательно агиография использует это понятие в позитивном смысле и изображает святого в юности как настоящего пастуха, но, наряду с этим, трактует этот образ и символически соответственно словоупотреблению Нового Завета. Пастух также может, следуя библейскому образцу, сыграть определённую роль и в обнаружении святого или его мощей. Однако образ пастуха занимает особое место не только в литературе, но и в так называемых суевериях, при этом с ним связаны определённые магические представления.

По мере углубления процесса социального расслоения общества, дифференциации между сословиями (а затем и классами), можно констатировать девальвацию ценности этой профессии и её уничижительную оценку, которая позже стала преобладать в феодальном обществе, что не смогло изгнать полностью прежнюю позитивную оценку образа пастуха из средневековой литературы. В образе пастуха сходятся различные литературные направления, а его особое положение обусловлено не только литературными топосами. Агиография, конечно же, несёт на себе печать библейского использования понятий; особенно она использует образ пастуха в символическом смысле, который уместен в тех случаях, когда агиограф изображает своего святого в юности действительно пасущим стадо. Функция такого изображения в легенде искусственна, навеяна Библией, она псевдонародна.

В литературных произведениях меровингской эпохи мы часто встречаем псевдонародные рассказы, они отличаются и от фольклора, и от отдельных народных сюжетов, присутствующих в агиографии, своей ярко выраженной и подчёркнутой направленностью. Псевдонародной является, например, история, сочинённая в 480 году в Англии, о победе, одержанной с помощью возгласа «Аллилуйя!» (см. прим. 21); особенно часто такого рода сообщения встречаются у Григория Турского. Григорий даёт народным рассказам подчёркнуто церковную оценку, таким образом полностью изменяя их смысл. Были ли эти изначально фольклорные рассказы переработаны, или это продукт творчества самих агиографов, опиравшихся на них, в данном случае это не столь важно. Бесспорным фактом является то, что эти рассказы, напоминающие фольклор, излагаются с подчёркнуто церковной точки зрения. Они созданы по образцу народных, но при этом совершенно чужды им; они не народные, они – псевдонародны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаженный, А. О граде Божьем. В 2 т. Т. 1. / А. Блаженный. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 600 с.
2. Блаженный, А. О граде Божьем. В 2 т. Т. 2. / А. Блаженный. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 592 с.
3. Турский, Г. История франков / Г. Турский. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
4. Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 1. – М.: Статут, 2002. – 584 с.
5. Ливий, Тит. История от основания города. В 3 т. Т. 2. / Тит Ливий. – М.: Наука, 1991. – 527 с.
6. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / Сенека. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
7. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Цицерон. – М.: Наука, 1974. – 248 с.
8. Ювенал. Сатиры / Ювенал. – СПб.: Алетейя, 1994. – 224 с.
9. Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum (Wien 1866 ff.).
10. Liber historiae Francorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Т. II. – Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. – P. 215-328.
11. Migne, J. P. Patrologia Latina / J. P. Migne (Paris 1844 ff.).
12. Scriptores rerum Merovingicarum // Monumenta Germaniae Historica (Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888 ff.).
13. Vita s. Mitriae conf. Aquensis // Analecta Bollandiana. – Bruxelles, 1889. – № 8. – P. 9-15.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: О град. Бож. XXII, 8; с. 521: «Они (т. е. книги о чудесах – А. Д.) читаются народами для того, чтобы возбуждать к себе веру; но, с другой стороны, не читались бы они народами, если бы им не верили».
2. См., например: Дигесты. I, 1, 4: «Ибо по естественному праву все рождаются свободными, ...когда не было известно рабство». Ср.: Дигесты I, 17, 32: «...что касается естественного права, то все люди равны».
3. См., например: Isidor Sevell. Sententiae III, 47, 1 (Migne PL 83, 717).
4. См., например: О град Бож. XIX, 15; с. 347-349. Сходную мысль мы находим и в Vita regia с. 30 Смарагда (Migne PL 102, 968; IX в.).
5. См., например: Ювенал. Сат. VIII, 20: «Знатности нету нигде, как только в доблести духа». Сенека. Письма к Луцилию IV, 2 и XV, 4. Сходные мысли можно найти в Новом Завете: 1 Кор. 12, 22 слл. и особенно в Иак. 2.
6. О град. Бож. XIX, 15; с. 347-349. Ср. также: Lactantius. Div. Iust. 5, 5 (CSEL 19, p. 414).

7. *Via regia* с. 30 (Migne PL 102, 967 f.).

8. Перечислим некоторых святых этого времени несвободного происхождения: св. Викторин, о котором Григорий Турский сообщает (Ист. фр. I, 33; с. 19): «Ведь по преданию Викторин был слугой жреца в упомянутом храме». Подобным же образом рассказывается и об аббате Порциане (Ibid. *Vitae patrum* V, 1; SS rer. Mer. I-2, p. 677): «Ибо он (Порциан – А. Д.), как говорят, был рабом некоего варвара». Несвободного происхождения был и аббат Брахий (Ibid. XII, 2; Ibid., p. 712 f.). Несвободный статус св. Митры подчёркивается как Григорием (*Gloria conf.* с. 70; Ibid., p. 788 f.), так и в его *Vita s. Mitriae conf. Aquensis* // *An. Boll.* 8, 1889, p. 9-15).

9. См. историю о Менении Агриппе (Тит Лив. II, 32); Цицерон. Об обязанностях III, 5; Сенека. Письма к Луцилию XV, 4.

10. 1 Кор. 12, 12 слл.

11. Сар. 2 (SS rer. Mer. III, p. 55 f.).

12. Ср., например: Сир. 33, 25-29.

13. «Классический» образ выскочки создан уже Петронием в его «Сатириконе» (Тримальхион); что же касается агиографии, то выскочка выступает здесь чаще всего в образе противника святого.

14. См.: S. Caesarii Arelat. *Sermo* 34, 1 (ed. G. Morin, I, p. 141); Григорий Турский. Ист. фр. V, 48-49; с. 150-155: о сыне некоего раба, который стал комитом Тура: V, 49 (с. 152-155): о дурном священнике Риккульфе; IX, 34 (с. 269-270): о Ригунте и Фредегунде. Лже-Фредегар (IV, 19; SS rer. Mer. II, p. 128) придумал историю об унижении Брунхильды и епископа Дезидерия. Один такой реальный выскочка был приближённым Фредегонды (LHFr. с. 31; SS rer. Mer. II, p. 292 f.).

15. См.: Григорий Турский. Ист. фр. III, 29; с. 76. *Vita Pardulfi abb.* с. 9 (SS rer. Mer. VII, p. 29; VIII в.).

16. Если говорить о периоде Меровингов, то первый намёк на теорию трёх сословий относится к 747 г. Он содержится в послании папы Захарии к Пипину. (Однако, справедливости ради, отметим, что здесь речь идёт только о двух «первых» сословиях). Что же касается первого во времена Меровингов упоминания о третьем сословии, то мы находим его в *Vita Dagoberti III regis Franoorum* с. 4 (SS rer. Mer. II, p. 515).

17. Эту идею мы находим уже в Новом Завете: 1 Кор. 7, 20. В меровингской агиографии эта мысль, правда, в слабо выраженной форме, встречается в *Vita Eligii ep.* II, 15 (Migne PL 87, 535).

18. И потому часто именно нищие и становятся «объектом» чуда (особенно исцелений).

19. Например, во время призвания Давида (1 Цар. 16, 11).

20. Особенно Ин. 10.

21. *Vita Germani ep. Autissiod. auctore Constantio* с. 17 f. (SS rer. Mer. VII, p. 263 ff.).